Луговцова С.Л. «Заговор Конарского»: Пинское демократическое общество и его участники / С.Л. Луговцова // Российские и славянские исследования : науч. сб. Вып. 7 / редкол. : А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск : БГУ, 2012. С. 192-198.

С. Л. Луговцова

«ЗАГОВОР КОНАРСКОГО»: ПИНСКОЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО УЧАСТНИКИ
(Попытка нового прочтения материалов следственного дела)

Программа общества провозглашала свободу, равенство, братство, неразрывность борьбы за национальную независимость с освобождением крестьян, необходимость учреждения республики. Его организатор Шимон Конарский верил, что освобожденное от чужеземного господства отечество должно быть устроено «согласно принципам религиозного, политического, гражданского и социального равенства» [2, с. 412].

Пинский уезд Минской губернии соседствовал с Луцким уездом Волынской губернии, где чаще всего находился Ш. Конарский в период своего пребывания в границах Российской империи с 1835 по 1839 г. Уроженец Пинского уезда шляхтич Игнатий Родзевич не только дал приют эмиссару в Луцком имении Лысово, но именно он расширил круг его общения, открыв ему двери в дома своих родственников и знакомых в Пинском уезде. Можно предположить, что Пинское демократическое общество (члены которого имели возможность часто контактировать как с самим Ш. Конарским, так и с И. Родзевичем) являлось одним из наиболее активных подразделений «Содружества польского народа». Обратимся к документам особой следственной комиссии, созданной в мае 1838 г. по «делу Конарского».

В Пинском уезде по распоряжению комиссии были арестованы 15 человек. Среди них был и Антоний Ожешко, 38 лет, уроженец Гродненского уезда, утвержденный в дворянском достоинстве Гродненским депутатским собранием в 1835 г. На вопросы членов следственной комиссии отвечал с помощью переводчика, в протоколах расписывался по-польски. Он участвовал в восстании 1830—1831 гг. в отряде Титуса Пусловского, в связи с чем в начале 1830-х гг. находился под следствием, но избежал наказания. А. Ожешко владел имением Пешков в Пинском уезде с почти 150 крепостными крестьянами [4, л. 353—353 об.]. Занимая должность судьи Пинского межевого суда, он имел определенное влияние среди местного дворянства. Виленская следственная комиссия выяснила, что А. Ожешко был давним приятелем И. Родзевича и в 1831 г. помог скрыться от преследования властей двум участникам восстания 1830—1831 гг.: шляхтичам Гуляницкому и Юшкевичу [5, л. 21—22 об.]. В дальнейшем беглецам помогал И. Родзевич. На протяжении почти десятилетия 11 человек, рискуя благополучием своих семей, скрывали участника вооруженного восстания. Среди них был А. Ожешко.

В 1834 г. А. Ожешко встречался с эмиссаром Нарциссом Коперницким, скрывавшимся под фамилией Сосновский. Уроженец Речицкого уезда Минской губернии Н. Коперницкий собирал среди местных помещиков средства для помощи эмигрантам, а А. Ожешко передал ему на эти цели 15 рублей [5, л. 21—22 об.]. В декабре 1835 г. А. Ожешко одним из первых среди шляхтичей Пинского уезда познакомился с Ш. Конарским — в доме И. Родзевича. Вскоре он стал верным помощником и отвез Ш. Конарского под фамилией Лоевский в имение Яна Высоцкого Ракитино, был посредником в передаче запрещенной литературы между И. Родзевичем и другими шляхтичами. То есть активно участвовал в работе по образованию демократического общества в уезде.

Пинское общество было учреждено летом 1836 г. А. Ожешко принял на себя обязанности секретаря. Он привлекал в общество новых членов, лично привел к присяге шляхтича К. Буд-

Луговцова Светлана Леонидовна — доцент кафедры истории России Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук

зиского и ксендза Б. Адамовича. А. Ожешко участвовал в «денежных складках» членов тайного общества, передавал собранные деньги Ш. Конарскому. В начале 1837 г. он также передал Владиславу Рабцевичу, отправлявшемуся на службу в Варшаву, организационные документы «Содружества» и рекомендательное письмо к своей родственнице, некой Выжевской. В. Рабцевич вступил в тайное общество в Варшаве и через А. Ожешко передал Ш. Конарскому письмо о намерении Варшавского общества установить контакты с Пинским [5, л. 19—20].

Следственная комиссия оценила «заслуги» А. Ожешко в работе Пинского демократического общества и причислила его ко второму разряду государственных преступников, что означало лишение дворянских прав и ссылку в Сибирь на каторжные работы (Ш. Конарский был причислен к первому разряду преступников и расстрелян). Однако по решению императора приговор А. Ожешко смягчили: его лишили дворянских прав и в марте 1839 г. отправили в Сибирь на поселение [6, л. 6 об.—7]. Мягкость российских властей объясняется тем, что арестованный активно помогал следствию в разоблачении своих товарищей. По иронии судьбы его псевдонимом в обществе было имя Иуда [3, л. 386]. На первом же допросе он «принес совершенное раскаяние», раскрыл имена членов общества, способы тайной переписки в нем. Правила конспирации, так тщательно разработанные на бумаге, на практике не соблюдались ни самим Ш. Конарским, ни его ближайшими сподвижниками.

Арестованные по «делу Конарского» были заключены в виленском базилианском монастыре. Российский офицер, подпоручик Ингерманладского полка Аглай Кузьмин-Караваев, используя положение начальника караула, во время своих дежурств в июне — начале июля 1838 г. обеспечивал арестованным контакты между собой. Речь шла о подготовке побега. Но замысел не получил развития. Именно А. Ожешко выдал заговорщиков властям, что привело к новым арестам, на этот раз среди офицеров Виленского гарнизона [5, л. 22—22 об].

Еще одним арестованным заговорщиком был судья Пинского межевого суда Франц Терлецкий, 25 лет, утвержденный в дворянском достоинстве в 1829 г. (Герольдией — в 1834 г.). Он владел в Пинском уезде имением Великая Речица со 190 крепостными [4, л. 362]. Показания в следственной комиссии давал на польском языке и сознался, что в 1836 г. познакомился с Ш. Конарским, которого к нему в дом привез И. Родзевич, назвав шляхтичем Константиновского уезда Викентием Лоевским. В том же году Терлецкий был принят в общество и присягнул, сдал в пользу общества 50 руб. и стремился «распространять между крестьянами понятия о равенстве». Тем самым он «довел крестьян до того, что они стали оказывать дворовому управлению непослушание». Но, как отметила комиссия, «испытав вредные последствия своих поступков», Терлецкий стал обращаться с крестьянами по-прежнему [5, л. 23 об].

В ходе следствия Ф. Терлецкий признался, что в 1833 г. встречался в Пинске на квартире И. Родзевича с эмиссаром Н. Коперницким, которого знал как Сосновского. Он передал для эмигрантов 5—6 червонцев, а в следующий раз «часы, с резьбою стакан, чернильницу и янтарь от чубука» [5, л. 24]. В том же году Терлецкий встретил ксендза Павловского, который представился уполномоченным «мятежника Дверницкого» и предлагал вступить в тайное общество. Терлецкий от предложения отказался, так как ему не понравились правила общества, требовавшие полного подчинения старшим товарищам. Тем не менее он согласился взять у ксендза для распространения среди шляхты 20 экземпляров «Восстания на Волыни» Ружинского. Но позднее испугался последствий, запрещенные книги сжег, а Павловскому сообщил, что книги продал и внес за них деньги [5, л. 24 об.]. Терлецкий активно сотрудничал со следствием, в причастности к тайному обществу он оговорил О. Ярмоловича и Ф. Вишневского. Следствие причислило его к 3-му разряду государственных преступников, что означало ссылку в Сибирь на поселение с правом передать имение законным наследникам [6, л. 7].

Следственные дела называют имя 39-летнего греко-униатского священника Онуфрия Ярмоловича, служившего в 1835—1838 гг. в имении Ф. Терлецкого. В 1838 г. он был переведен

в Волковысский уезд Гродненской губернии викарием Кузлицкой церкви [5, л. 24 об.]. Терлецкий обвинил его в том, что тот находился в его доме во время визита И. Родзевича и Ш. Конарского, где они вместе читали запрещенное издание «Север». И. Родзевич передал О. Ярмоловичу устав тайного общества, который тот переписал, а затем читал крестьянам воззвание Лелевеля к русскому народу [5, л. 25—25 об.]. О. Ярмолович возражал: он действительно видел Ш. Конарского в доме Ф. Терлецкого, но никаких разговоров о политике шляхтичи с ним не вели. Хотя признал, что Ф. Терлецкий посылал его в Лысово передать некий запечатанный конверт и дал ему воззвание о необходимости единства поляков всех сословий для достижения свободы [5, л. 26]. На допросах и очных ставках О. Ярмолович утверждал, что о существовании тайного общества не знал. В протоколе приписал: «...я оговорен помещиком Терлецким за то, что отговаривал его не обращаться жестоко с крестьянами, которых он неоднократно наказывал до такой степени, что я заболевших их должен был исповедовать» [5, л. 26 об].

Дворянин Пинского уезда Фаустин Вишневский, 34 лет, признался, что дважды встречался с Конарским, однако не подозревал о том, что он эмиссар: тот был представлен ему как чиновник Радзивилловской комиссии Лоевский. Впервые они встретились в конце 1835 г. в доме А. Ожешко, затем в 1836 г. у Ф. Терлецкого. Разговаривали о событиях 1831 г., и Ш. Конарский, узнав, что Ф. Вишневский собирается к родственникам в Августовскую губернию, просил его передать письмо, которое, однако, так и не написал. В следующий раз в доме Терлецкого Ш. Конарский убеждал в необходимости каждого порядочного человека следовать демократическим правилам, относиться к крестьянам, как к равным себе. Однако Ф. Вишневский заявил, что не согласен с его образом мыслей, и больше никаких отношений с Конарским не имел. В ходе следствия был проведен тщательный обыск. Подозрение полицейских чиновников вызвали пуговицы с изображением Наполеона, а также креста, якоря и сердца. На допросе Ф. Вишневский объяснил, что пуговицы эти были отрезаны старьевщиком от каких-то старых вещей, и он купил их в пинской лавке «без всякой цели». Из-за пуговиц, несмотря на отсутствие других обвинительных показаний, подследственный продолжал оставаться в заключении и давал показания на русском языке [5, л. 28 об.—29].

Представитель шляхетского рода Лидского уезда 30-летний Казимир Шалевич в 1819 г. принял монашеский постриг. К моменту ареста он являлся клириком Любешского пиарского монастыря и, по сведениям местной полиции, «поведение имел скромное». В Пинское демократическое общество вступил в 1836 г., получив поручение «воздействовать» на униатское духовенство и экономов Пинского уезда [4, л. 361—361 об]. На вопросы членов следственной комиссии отвечал с помощью переводчика. Шалевич признался, что познакомился с Ш. Конарским, который был представлен как родственник Дунин, в имении И. Родзевича. Он слушал его «демократические рассуждения» и не удивился, когда Родзевич объявил ему о создании тайного общества, члены которого должны были «в ожидании политических перемен распространять либеральные основания и наговаривать крестьянам о равенстве» [5, л. 27 об.]. На следствии монах утверждал, что присягу не исполнял, условленного имени не имел, денег в пользу общества не жертвовал, никаких новых членов не привлекал. Однако Родзевич показал, что Шалевич его предупреждал о командированном в Пинск чиновнике по особым поручениям при минском губернаторе Богдановиче. Шалевич заявил, что имел поручение «распространять демократические правила, но действовал только для облегчения положения крестьян, а никаких революционных идей не распространял» [5, л. 28].

Другим арестованным монахом по «делу Конарского» был Блажей Адамович, 38 лет, выходец из шляхты Августовской губернии Царства Польского. Он в 1822 г. принял монашеский постриг, доказательств на дворянство и недвижимое имущество не имел. В 1838 г. являлся иеромонахом пинского францисканского монастыря. Показания давал на польском языке [4, л. 358]. В ходе следствия признался, что весной 1837 г. по убеждению А. Ожешко вступил в тайное общество и принял присягу. Однако с Ш. Конарским знаком не был [5, л. 34].

Наиболее состоятельным членом тайного общества являлся Иосиф Куженецкий, 36 лет, дворянин (с 1832 г.) Минской губернии. Владел имением Дуба Пинского уезда (входило 9 деревень с почти 1700 крепостных) и двумя имениями в Кобринском уезде Гродненской губернии (около 900 крепостных) [4, л. 351—351 об.]. До 1838 г. И. Куженецкий дважды находился под следствием: за укрывательство не записанных по ревизии (1827) и в 1831—1832 гг. — за присоединение его крепостных людей к отряду Т. Пусловского. По решениям суда он был освобожден от ответственности, но оставлен под полицейским надзором [4, л. 352].

И. Куженецкий вступил в тайное общество в ноябре 1836 г. в имении Лысово, был приведен к присяге, обещал распространять «демократические правила», в пользу общества передал А. Ожешко 70 руб. серебром. При обыске в доме Куженецкого была найдена отпечатанная типографским способом молитва на польском языке, «заключавшая в себе слова, не соответствующие благонадежному образу мыслей» [5, л. 37—37 об.]. Комиссия в 1839 г. причислила И. Куженецкого к 4-му разряду государственных преступников и приговорила к ссылке в Вологодскую губернию, освободив имения от секвестра [6, л. 3 об.—4].

По доносу А. Ожешко был арестован дворянин Кобринского уезда Гродненской губернии помещик Пинского уезда Минской губернии отставной поручик Белостокского пехотного полка Леонард Седликовский, 36 лет [4, л. 360—360 об.]. На очной ставке А. Ожешко утверждал, что в доме И. Куженевского в присутствии Л. Седликовского он рассказывал о демократическом обществе, давал ему для ознакомления устав и присягу общества, а также «словесные наставления», как следует обращаться с крестьянами и как соблюдать конспирацию [4, л. 34 об.—35]. Л. Седликовский возражал: мол, А. Ожешко действительно читал ему устав тайного общества, но так как он знал его «с невыгодной стороны, как человека, не заслуживающего доверия», то посоветовал уничтожить документ, обещая не рассказывать о произошедшем. И А. Ожешко дал слово, что последует совету (что впоследствии подтвердил на допросе) [4, л. 35 об.—36].

Под следствием также оказались братья Будзиские и Горничи. Каспер Будзиский, 43 лет, дворянин Пинского уезда, был признан во дворянстве Минским депутатским собранием в 1817 г. (указом Герольдии в 1837 г.). Совместно с братом он владел имением Сулавы. В восстании 1830—1831 гг. не участвовал, по свидетельству земского исправника, «вел себя скромно, трезво, не давал повода к подозрению в неблагонадежности мыслей» [3, л. 352 об.]. В 1837 г. К. Будзиский познакомился с Ш. Конарским в доме А. Ожешко. Тот убеждал пинского дворянина посвятить себя «страждущему человечеству» и для произнесения клятвы начал читать присягу демократического общества. Однако К. Будзиский сказал, что дает клятвы только Богу, и обещал помогать бедным в меру своих возможностей [5, л. 30—31].

Брат Каспера Карл Будзиский, 45-летний дворянин Пинского уезда, был управляющим имением Ляховичи княгини Е. Гедройц. Он признался, что А. Ожешко рассказал ему о создании тайного общества в уезде с целью «улучшения состояния крестьян» и читал текст присяги. Следствие выяснило, что Будзиский с Конарским и Родзевичем знаком не был, денег не давал и никаких действий, связанных с обществом, не предпринимал [5, л. 31 об.—32].

27-летний попечитель сельских магазинов Пинского уезда Эразм Горнич имел дворянское достоинство (утвержден Минским губернским собранием в 1823 г.). Являлся одим из наследников отцовского имения Бобров Пинского уезда (78 крепостных) [4, л. 355]. Первоначально показал на допросах, что знал Ш. Конарского как эмиссара, являлся членом тайного общества, передавал деньги в его пользу. Однако позднее отказался от показаний, ссылаясь на то, что они были «сделаны в болезненном состоянии» [6, л. 1 об.]. Э. Горнич был приговорен к 5-му разряду государственных преступников, сослан в Пермскую губернию с освобождением его имения от секвестра [6, л. 2].

Старший брат Эразма Горнича 35-летний дворянин Вернер был судьей Пинского межевого суда и наследником имения Бобров, но собственного недвижимого имущества не имел

[4, л. 354]. В протоколах комиссии неоднократно отмечено, что В. Горнич в ходе следствия проявил крайнее «упорство в сознании», несмотря на то, что против него свидетельствовали Терлецкий, Ожешко и сам Конарский [5, л. 32 об.—34]. Ф. Терлецкий показал, что в 1836 г. в его пинскую квартиру приехали Ш. Конарский с И. Родзевичем, в то время как там уже находились Вернер Горнич и Людвиг Корсак. Ш. Конарский стал рассуждать о патриотизме и человечности, «вынул из кармана наскоро бумагу и велел повторять за собою присягу». Он рассказал основные правила общества: обходиться ласково с крестьянами, знакомить их с идеями равенства [5, л. 32 об.]. А. Ожешко свидетельствовал, что однажды в квартире Ф. Терлецкого встретил В. Горнича, который передал в кассу организации 6 руб. [5, л. 33]. Ш. Конарский признался, что действительно в присутствии В. Горнича и Л. Корсака рассуждал о необходимости «образовывать себя, ибо через образование можно полезнее быть Отечеству, чем через оружие, и что надо обходиться с крестьянами, как с братьями» [5, л. 34].

Людвиг Корсак, 28 лет, дворянин Пинского уезда (утвержден в 1834 г. Минским депутатским собранием, Герольдией — в 1835 г.), имел в собственности одного крепостного крестьянина и около 1 тыс. рублей серебром [4, л. 339]. В ходе следствия сознался, что в 1836 г. в квартире Ф. Терлецкого вступил в тайное общество и был приведен к присяге «по наговору Родзевича и Конарского» [5, л. 29 об.]. Больше он их не видел и никаких «действий по заговору не имел» [6, л. 2 об.]. Л. Корсак был причислен к 4-му разряду государственных преступников и приговорен к ссылке в Пермскую губернию под надзор полиции с освобождением его имения от секвестра [6, л. 3].

Коллежский секретарь пинской дворянской опеки 39-летний Иосиф Красковский имел в собственности дом в Пинске, а также наследственное имение в Пинском уезде (более 120 крепостных), отданное в аренду. В 1823 г. он «был прикосновенен к делу филаретов и филоматов» [4, л. 356]. В показаниях, которые давал на русском языке, признался, что познакомился с Конарским в 1836 г. в квартире Родзевича. Там же был принят в тайную организацию и приведен к присяге. Больше Конарского не видел, денег не давал и никаких действий не предпринимал, что было подтверждено другими подследственными [5, л. 37 об.]. В конце протокола допроса И. Красковский собственноручно написал: «В оправдание свое добавлю, что привлечен был в общество угрозами Конарского, который вынудил меня выслушать присягу, а затем объявил, что если я открою тайну общества, то буду убит или отравлен вместе с моим семейством» [5, л. 38]. В данном случае любопытно показание А. Ожешко, что Родзевич рассказывал ему о существовании в Подольской губернии некого особого общества, «истребляющего огнем преступивших правила заговорщиков» [5, л. 20 об.]. Правда, на очной ставке И. Родзевич опроверг, что когда-либо упоминал об «огневом обществе» [5, л. 21].

И. Красковский был оговорен А. Ожешко также и в принадлежности в 1833 г. к тайному обществу эмиссара Н. Коперницкого. В результате следственная комиссия рекомендовала причислить его к 3-му разряду преступников и сослать в Сибирь с лишением всех прав дворянского состояния. В марте 1839 г. был утвержден более мягкий приговор: ссылка в Вологодскую губернию без лишения прав и с освобождением имения от секвестра [6, л. 3].

По распоряжению следственной комиссии был арестован дворянин Пинского уезда Ян Дмоховский, 48 лет, утвержденный в дворянском достоинстве. Арестант не сознался в принадлежности к демократическому обществу и не был оговорен ни одним из участников. Более того, Ф. Терлецкий заявил: «...все остерегались его как человека легкомысленного, не умеющего скрывать тайны» [5, л. 38 об.]. И тем не менее Я. Дмоховский оказался за толстыми стенами базилианского монастыря, так же как И. Родзевич, не выдержав давления со стороны следствия [1], не раз оговаривал своих знакомых. Он сообщил, что в 1833 г. Я. Дмоховский

[1] Сохранилось достаточно свидетельств участников событий (Каспера Мышковского, Матвея Ловицкого, Франца Савича), чтобы утверждать, что заключенных жестоко избивали, выворачивали суставы рук, сажали в карцер, оказывали психологическое давление.

встречался с эмиссаром Н. Коперницким, у которого купил запрещенные книги. Сам Я. Дмоховский не отрицал факт встречи, но заявил, что не знал о том, что Н. Коперницкий являлся представителем польской эмиграции [5, л. 39].

Итак, из 15 человек, арестованных в Пинском уезде, в состав общества входили девять: А. Ожешко, Ф. Терлецкий, И. Куженецкий, К. Шалевич, Л. Корсак, Б. Адамович, И. Красковский, Э. и В. Горничи (членство О. Ярмоловича остается под вопросом). Трое — Л. Корсак, Б. Адамович, И. Красковский — за два с половиной года существования тайной организации никаких действий в ее пользу не предпринимали и денег не давали. Используя свой талант оратора и психолога, эмиссар стремился как можно быстрее расширить ряды «Содружества». «Умел приноравливаться к лицам, с которыми говорил, — писал К. Мышковский, — тихий, уступчивый, когда видел охотников; но когда это было нужно, восставал всей душою своею, употреблял все, что в нем было, для убеждения несогласных. Тогда глаза его наполнялись слезами, лицо светлело, и поток слов лился его устами прямо от сердца, от уверенности в себе, сильного убеждения в справедливости того, что говорил...» [7, с. 495—496]. Вдохновенные речи Конарского находили отклик в сердцах слушателей не только благодаря его ораторскому искусству. Главное — они падали на подготовленную «почву».

Следственные дела демократических обществ на территории Беларуси свидетельствуют, что их участникам были близки события 1830—1831 гг., они сочувствовали эмигрантам, мечтали о прежнем мире, разрушенном российской властью. Многие из них — ровесники А. Мицкевича — помнили поход армии Наполеона 1812 г. и связанные с ним надежды на восстановление польской государственности, разделяли взгляды филаретов и филоматов. Вот только новые идеи Ш. Конарского о равенстве сословий, необходимости привлечения к революционной борьбе крестьян не были им близки. Французский исследователь Д. Бовуа считает, что Ш. Конарский не представлял, насколько может быть инертно и даже враждебно к любой демократической идеологии шляхетское общество [1, с. 511—512]. В полной мере эти слова относятся к шляхте Пинского уезда. Среди шести активных членов Пинского демократического общества лишь Ф. Терлецкий с энтузиазмом попытался внедрить новые идеи в жизнь.

Знакомство с личными делами подследственных по Пинскому уезду позволяет не только глубже понять деятельность Ш. Конарского на белорусских территориях Российской империи, но и добавить некоторые штрихи к вопросу о взаимоотношениях российской власти и местного высшего сословия. Из 12 шляхтичей, привлеченных к следствию, только четверо (братья Будзиские, Л. Корсак, Ф. Терлецкий) были признаны в дворянском достоинстве Герольдией Сената, т. е. являлись полноправными членами сословия. Причем братья Будзиские ждали подтверждения 20 лет (!). На этом фоне кажется, что решение по делу Л. Корсака (через семь месяцев) было принято фантастически быстро. Вероятно, сказалась его принадлежность к известной фамилии. Братья Вернеры более 15 лет ожидали ответа из Санкт-Петербурга. Даже владелец 2,5 тысяч крепостных крестьян И. Куженецкий ждал утверждения в дворянском достоинстве около семи лет, так и не получив его ко времени завершения следствия (весна 1839 г.), хотя крупным землевладельцам в этом вопросе оказывалось явное предпочтение. Герольдия Сената не была готова к тому потоку документов, который обрушился на нее в связи с «разбором» шляхты. На наш взгляд, высшие чиновники в Санкт-Петербурге не вполне представляли себе масштаб явления, когда начинали процесс «разбора». Реализация данного мероприятия российских властей шла крайне медленно, что нашло отражение в судьбах шляхтичей Пинского уезда.

Обратим внимание на еще один существенный момент. Из пятнадцати жителей уезда, оказавшихся в заключении, лишь четверо общались с членами виленской следственной комиссии без помощи переводчика: униатский священник О. Ярмолович, отставные военные Ф. Вишневский и Л. Седликовский, а также выпускник Виленского университета И. Красковский. Остальные совсем не знали русского языка или знали его недостаточно для

письменного изложения своих взглядов. Прошло более сорока лет с момента включения этих территорий в состав Российской империи, а судьи Пинского межевого суда В. Горнич, А. Ожешко и Ф. Терлецкий, попечитель сельских магазинов Э. Горнич, управляющий имением К. Будзиский не смогли в сложной жизненной ситуации отстаивать свои интересы на русском языке. Вряд ли возможно объяснить этот факт их нежеланием общаться с российскими чиновниками принципиальным соображением. Во-первых, они сами занимали должности в государственном аппарате. Во-вторых, некоторые из них (Ожешко и Терлецкий) активно сотрудничали со следствием. Можно сказать, что в вопросе распространения государственного языка на землях бывшей Речи Посполитой в первой половине XIX в. российская власть продемонстрировала свою беспомощность. Однако не столько язык, сколько разное мироощущение, взгляды на прошлое и будущее края разделяли мир российских чиновников и шляхты белорусских губерний в 30-е гг. XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бовуа, Д.* Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793—1914) / авторизир. пер. с фр. М. Крисань / Д. Бовуа. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 1008 с.

2. Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей: в 3 т. / подбор и ред. текстов, вступит. статьи и прим. И. С. Миллера и И. С. Назаренко. Т. 2. М. : Соцэкгиз, 1956. 884 с.

3. Литовский государственный исторический архив в г. Вильнюсе (далее — ЛГИА). Фонд 1269 (Следственные комиссии о тайных обществах, г. Вильно). Оп. 1. Д. 2. Следственные протоколы по делам Яна Былевского, Адама Гайковича, Яна Еленского, Кочановского, Станислава Козакевича, Эммануэля Любовицкого, Людвига Орды, А. Пипера, Казимира Рапчинского, Яна Высоцкого. Дело Ф. Александрович (урожд. Коперницкой). Переписка о разных лицах, состоящих под следствием, на 408 л.

4. ЛГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 3. Следственные дела Адамовича, Будзинского, Чулицкого, Дмоховского, Горнича, Ярмоловича, Конарского, Корсака, Красковского, Куженецкого, Ожешко, Рабцевича, Родзевича, Савича, Седлинского, Шалевича, Терлецкого, Вишневского на 374 л.

5. ЛГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 17. Следственные дела членов Пинского тайного демократического общества: Блажея Адамовича, Кароля Будзиского, Каспера Будзиского, Яна Дмоховского, Эразма Горнича, Вернера Горнича, Ярмоловича, Юзефа Красковского, Юзефа Куженецкого, Антона Ожешко, Леонарда Седликовского, Казимира Шалевича, Франтишка Терлецкого на, 41 л.

6. ЛГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 24. Список лиц, осужденных по делу Ш. Конарского, и других политзаключенных, обвиняемых в принадлежности к тайным обществам, на 46 л.

7. *Мошковский, К.* Рукопись в тюрьме / К. Мошковский // Русский архив. 1909. Кн. 1. № 4. С. 483—534.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена деятельности тайной демократической организации «Содружество польского народа» (1835—1839), организованной Ш. Конарским на территории бывшей Речи Посполитой. На основании анализа широкого круга источников автор выясняет роль участников в деятельности тайного общества Пинского уезда, раскрывает их поведение в ходе следствия.

SUMMARY

The article is devoted to the activities of the secret democratic society «Polish people'й concord» (1835—1839) organized by Shymon Konarski at the territory of the former Polish state. Based on analysis of a wide range of sources the author clarifies the role of participants in the activities of the secret society at Pinsk district, reveals their behavior after the arrest.

Статья поступила в редакцию 2 апреля 2011 г.